

УДК 821.161.1.09

**МЕТАМОРФОЗЫ ЛИТЕРАТУРНОГО РАЗВИТИЯ
(опыт XXI в. в исторической ретроспективе)**

© 2011 г.

В.А. Беглов

Стерлитамакская государственная педагогическая академия им. З. Бишовой

sh-milli@mail.ru

Поступила в редакцию 12.03.2011

Исследуются сложные и неоднозначные процессы литературного развития XVIII–XX веков, проявившиеся в практике XXI века и отразившиеся в научных публикациях последнего времени.

Ключевые слова: литературный процесс, поэтика, автор, стиль, жанр, романтизм, реализм, барокко, модернизм.

Одно из главных затруднений, с которым сталкивается исследователь литературы, – корреляция изучаемого текста или конкретного литературного факта и обширных пластов бытования литературы во времени и в пространстве. Вероятность неоправданных выводов в этом случае чрезвычайно велика: часто случается так, что созданная в силу своей очевидности система оказывается несостоятельной, а сами явления требуют принципиально иной интерпретации. А. Белый, размышляя об этой стороне восприятия литературы, пророчески утверждает: необычное сегодня может завтра войти в обиход, не только как понятное, но и как удобное для использования: «Импрессионисты были непонятны до момента, пока кто-то не подсказал: вот как их нужно смотреть; с этого момента – *вдруг*: непонятные стали понятны; Ломоносов Сумарокову ... непонятен без внятного, краткого урока о том, что звуковой жест вот в каком смысле играет роль в культуре художественного слова; теперь всякому понятен термин Шкловского “*остранение*”; но применять сознательно принцип “*остранения*” (в учении о “*далековатости*” и выборе сравнений) начал Ломоносов за более чем 150 лет до Шкловского; непонятный в XVIII веке, он ясен – в XX» [1, с. 762].

Долгое время казалось, что история культуры – это цепочка приращений новых звеньев к известному ряду явлений: за классицизмом следовал сентиментализм, за сентиментализмом – романтизм, за романтизмом – реализм и т.д. Правило находило свое подтверждение в программных положениях литературной критики середины XIX века (например, в статьях В.Г. Белинского о литературе «воссоздающей»

и «пересоздающей» действительность). Однако вскоре очевидными стали явные сбои выстроенной системы: похороненный и оплаканный романтизм вдруг проявился – и с необычайной силой – в литературе 80–90-х гг. XIX в. (Гаршин, Короленко, Горький, младосимволизм); реализм же перестал вписываться в фиксированные рамки определений и даже – в начале XX века – стал восприниматься анахронизмом.

Спустя столетие путаницы стало еще больше. Пример – неожиданное возвращение к стилю плетения словес, явлению литературы XIV в. (признанный авторитет – Епифаний Премудрый). У современного автора читаем: «Знаю, что тексты мои все равно, вопреки преградам и нелепостям всяким наших свободололюбивых дней, превращающихся незаметно в друг за дружкой куда-то идущие, а куда же, да кто его знает, кто подскажет и кто увидит их отток, может быть, в никуда, в пустоту, а возможно, к высотам новым, радужным, долгожданным, подуставшие, битые, тертые и видавшие виды годы, будут изданы, даже при жизни, не такой, как у всех, моей, непростой, заковыристой, личной, беспокойной, отнюдь не тепличной, но ветрами всеми эпоха непростая, полагаю, овеванной, драгоценной, творческой жизни, жизни-песни, да, именно так, жизни-сказки, жизни-легенды, жизни жуткой, жизни прекрасной, жизни взрывчатой, взрывоопасной, трудовой, поскольку тружусь я неустанно, упорно, всегда, и горит надо мной звезда, и лежит предо мною путь, и ясна мне порою суть бытия, и вселенной весть, а загадок и тайн не счесть, как и прежде, и новизна яви нашей щедра сполна, почитаема свято правь, и ее ты со мною славь, и открыты мне глубь и высь, и созвездья свечой зажглись в

память прошлых суровых лет, и в грядущем я чую свет негасимый» [2, с. 160].

В перестроечную и постперестроечную пору отечественное литературоведение дало примеры оригинальных гипотез, объяснявших логику литературного развития. Одна из наиболее продуктивных принадлежит коллективу авторов во главе с С.С. Аверинцевым. Ее авторы исходят из того, что внутренними определителями литературного процесса являются три понятия: *жанр, стиль, автор*. Образуемый ими в каждую эпоху своеобразный треугольник трансформируется в зависимости от доминирующего типа художественного сознания: мифопоэтизму свойственны зачаточные проявления жанра; традиционализму – в большей степени – стиль; индивидуально творческому типу – категория автора [3]. Подобный подход позволяет избежать жесткого противопоставления того, что именуется направлениями (методами) литературы, например романтизма и реализма – они оказываются внутри одного типа художественного сознания.

Свойство культуры разрушать стереотипы в последние годы жизни интересовало и Ю.М. Лотмана. В работах этого периода он обращается к явлениям неоднолинейного порядка, создавая не *синтетическую*, а *аналитическую* философию истории. Следствием таких размышлений стали статьи, объединенные в сборник «Непредсказуемые механизмы культуры» [4], в которых история трактуется как движение человека (автора) к свободе в условиях «взрывных моментов» культурной эволюции. См. также об этом мнение С.И. Зенкина: «Начало свободы обнаруживается в природном субстрате человечества: с одной стороны, генетическая память живых существ не индивидуальна и не включает в себя никакого личного выбора; с другой стороны, биологическая эволюция приводит – уже у высших млекопитающихся – к возникновению такого механизма, как индивидуальный выбор партнера при продолжении рода, то есть природа сама вырабатывает и стимулирует свободу» [5, с. 327]. Применительно к культуре это означает, по меньшей мере, следующее:

1. Логические цепочки, выстраиваемые столетиями и казавшиеся незыблемыми, в одночасье оказываются несостоятельными.

2. Оценки явлений меняются на противоположные.

3. Каждый раз разговоры о кризисе заканчиваются культурным взрывом и последующим скачком.

И если раньше эти фазы были «разведены» во времени, то сегодня культура представила их в сжатом виде.

Нельзя забывать и того обстоятельства, как об этом пишет Е. Добренко, что «оригинальные теоретические подходы к литературе, представленные в СССР формалистами, Бахтиным или структуралистами, были маргинализированы, а сами их адепты исходили в своих исследовательских установках из противостояния официальной догматике» [6, с. 10], то есть изначально доказательство велось от противного. Очевидно и другое: любое литературное явление процессуального порядка в своих недрах содержит как элемент отрицания, так и сомнения в его самодостаточности. По сути своей, модернизм есть совокупность вопросов, ответы на которые оказываются на периферии доминирующей художественной системы. Как отмечает Р. Темпест, Брайен Мак-Гейл еще в 1991 г. писал: «Доминанта модернистского произведения – *эпистемологическая*. Иными словами, модернистское произведение задействует такие стратегии, которые ставят и выдвигают на передний план вопросы вроде... “Как я могу интерпретировать этот мир, частью которого я являюсь? И что я в нем такое?” Можно добавить и другие чисто модернистские вопросы: “Что можно знать?”, „Кто это знает?“, „Откуда они это знают и с какой степенью достоверности?“, “Как знание передается от одного знающего к другому и с какой степенью надежности?“, “Как изменяется объект познания, когда переходит от знающего к знающему?“, “Каковы границы того, что можно знать?”» [7, с. 254].

Следование установкам на безусловное вытеснение старых методологических принципов и художественных приемов новыми, безапелляционно объявленными передовыми и прогрессивными, приводит к неожиданным решениям. Например, в начале 60-х гг. XX в. авторы многочисленных тогда академических публикаций о русской классике («оттепель» предоставила возможность сказать о ней иначе, чем прежде) оказались в затруднительном положении, пытаясь объяснить смену Пушкина-романтика Пушкиным-реалистом; появилось выражение *истинный реализм*, к которому якобы склонялся поэт в противовес просто романтизму.

Существуют и примеры радикального решения проблемы – об этом свидетельствует высказывание М. Липовецкого: «Лично я считаю, что совершенно необходимо написать историю русской литературы, избегая категории “реализма”. Тогда развеется туман школьных заморочек. Тогда станет понятно, откуда вдруг взялся ве-

ликий русский модернизм. А он взялся из романтизма» [8].

Одно из неоднозначно трактуемых ныне явлений XX века – так называемая *литература социалистического реализма*. Понятие утвердилось в начале 30-х гг. и следующие полвека на официальном уровне не подвергалось сомнению, хотя и воспринималось большей частью как обязательная условность. Поэтому очевидна была и первая перестроечная реакция – вывести из научного обихода и забыть за ненадобностью. Затем появился резонный вопрос: если явление существовало, значит, тому были веские основания, и не только политического или идеологического порядка.

Литература в своем развитии, видимо, минимизирует усилия по прямой конфронтации с прежним наследием (именно так обстояло дело с сентиментализмом в отношении классицизма, реализма – романтизма и др.), стремясь к интегрированию, по меньшей мере, художественных средств. Показательным, по мнению Ричарда Темпеста, выступает творчество А.И. Солженицына. Приведем доводы исследователя.

Солженицын обычно рассматривается шире одного лишь литературного контекста; он личность, противопоставившая свое миропонимание целой *Системе*, но в качестве меры противостояния избравшая литературу: «Его художественные тексты представляют собой динамические опровержения соцреалистического “способа литературного производства” <...>; равно как и конкретные способы опровержения отдельных жанров реалистической прозы – исторического, производственного, колхозного, шпионского, научного романов. И даже социалистической эротики, если таковая когда-либо существовала. Вся мощь эпических и драматических произведений писателя направлена против *социалистических практик*» [7, с. 247]. Однако весь драматизм эпохи выражается еще и в том, что *модернизм* в различных вариациях готовил гибель государства и разрушал национальные устои в целом, и в качестве примера «писатель выделяет футуристов как пособников и верных союзников нового большевистского режима, который, в свою очередь, наделил их “административной властью в культуре”, пока

страна не погрузилась в “70-летний ледниковый период”» [7, с. 249]. Но в том и заключается парадокс, что писатель не мог не использовать художественный арсенал своих идейных оппонентов. Так, в «Круге первом» Володин оказывается свидетелем того, как его дядя Авенир обустроивает свое жилое пространство: дом и сад существуют по *литературным* законам – «это часть его личного плана длиной в жизнь, его попытка пространственно и психически отгородиться от ненавистного советского государства. Его сад, таким образом, это реализованная метафора» [7, с. 256]. В художественной манере Солженицына представлены концептуалистические решения: важна собственно форма, геометрическое значение предметов и их трансформация в художественные векторы и градации. Заметно также воздействие кинематографического мышления, когда писатель выполняет функции режиссера в манипуляциях с читателем.

Литературный процесс, таким образом, далеко не однолинеен. Многие в его судьбе в XIX–XXI вв., даже если судить по приведенным выше примерам, по типу восходит к барочной эстетике, а от нее – к явлениям современного постмодернизма. Очевидно и другое: в недрах последнего можно предположить столь же закономерное развитие обратного процесса.

Список литературы

1. Белый А. Вместо предисловия. М., 1989.
2. Алейников В. Складень // Октябрь. № 8–9.
3. Аверинцев С.С., Андреев М.Л., Гаспаров М.Л. и др. Категории поэтики в смене литературных эпох // Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания. М., 1996.
4. Лотман Ю.М. Непредсказуемые механизмы культуры. Таллинн, 2010.
5. Зенкин С. Теория как история // Новое литературное обозрение. М., 2010. № 105.
6. Добренко Е. Институт литературной критики // Русская литература. 2010. № 2.
7. Темпест Р. Александр Солженицын – (анти)модернист // Новое литературное обозрение. 2010. № 103.
8. Липовецкий М. Релизм в русской литературе – это фантом. Беседу вел Сергей Шаповал // Культура. 2010. № 36.

**METAMORPHOSES OF LITERARY DEVELOPMENT
(21st-century experience in historical retrospect)**

V.A. Beglov

We investigate complex and ambiguous processes of literary development of the 18th–20th centuries that are manifested in the practices of the 21st century and are reflected in the recent scientific publications.

Keywords: literary process, poetics, author, style, genre, romanticism, realism, baroque, modernism.